

УДК 81'42'38:004.738.5

DOI: 10.18500/2311-0740-2017-1-15-111-117

Т. В. Дубровская
Пенза, РоссияTatiana V. Dubrovskaya
Penza, Russia**ЖАНР ОНЛАЙН-ПЕТИЦИИ В КОНТЕКСТЕ
ФЕМИНИСТСКОГО ДИСКУРСА****ONLINE PETITION AS A GENRE IN THE
CONTEXT OF FEMINIST DISCOURSE**

В статье жанр онлайн-петиции исследуется в рамках феминистского дискурса. Автор ставит задачу выявить, как в жанре петиции конструируются смыслы, характеризующие современный феминистский дискурс, и как структурно-текстовые характеристики петиции связаны с социальной направленностью данного жанра. Материалом исследования стали 18 онлайн-петиций из разных стран, авторы которых стремятся к изменению положения женщины и условий их жизни. Методологически автор опирается на социальный конструкционизм, критический дискурс-анализ, теорию речевых жанров и предлагает модель анализа, которая включает выявление функциональной ценности жанра, основных тематических групп феминистских петиций и механизмов дискурсивного конструирования феминной идентичности автора. В результате анализа выявлено, что петиции проблематизируют ряд аспектов жизни женщины и тематически варьируются от требований обеспечить базовые условия жизни до воззваний создать символические культурные артефакты. Петиция характеризуется в статье как императивно-оценочный жанр, который актуализируется в перформативных конструкциях и большом количестве оценочной лексики, конструирующей феминную идентичность как противоположную маскулинной.

Ключевые слова: петиция, жанр, феминистский дискурс, феминная идентичность, критический дискурс-анализ.

The paper explores the online petition as a genre in feminist discourse. The author aims at revealing how the meanings are constructed that characterise modern feminist discourse as well as how structural and textual features are related to the social charge of the genre. The data contain 18 online petitions written in different countries, whose authors set the task to change the position and living conditions of women. In terms of methodology, the author draws on social constructionism, critical discourse analysis and the theory of speech genres as well as offering the analytic model that covers a few aspects. These include defining functional intentionality of the genre, establishing major thematic groups of feminist petitions and revealing the mechanisms used to construct the feminine identity of the author. The results of the analysis have shown that the petitions problematise specific aspects of women's lives and thematically range from demands to provide satisfactory living conditions to appeals to create symbolic cultural artefacts. In the paper, the petition is qualified as a genre of imperative and evaluation, which is actualised through performatives and an array of evaluative lexical units that construct the feminine identity as opposed to the masculine one.

Key words: petition, genre, feminist discourse, feminine identity, critical discourse analysis.

Сведения об авторе: Дубровская Татьяна Викторовна, доктор филологических наук, заведующий кафедрой «Английский язык».

Место работы: Пензенский государственный университет.

E-mail: gynergy74@gmail.com

About the author: Dubrovskaya Tatiana Victorovna, Doctor of Philology, Head of the Department «English language».

Place of employment: Penza State University.

E-mail: gynergy74@gmail.com

Введение

Настоящая статья продолжает изучение жанровых форм с позиций социального конструкционизма. Некоторые теоретические предпосылки реализации такого подхода к жанрам были предложены нами ранее [1]. Избегая лишних повторений, отметим только, что в духе критического дискурс-анализа мы рассматриваем жанр как социально активную форму языка, участвующую в формировании социальных практик, которые, в свою очередь,

формируют разные социальные институты [2]. В данном исследовании объектом рассмотрения является жанр онлайн-петиции, который, строго говоря, не является только лишь жанром дискурса феминизма, однако он интересует нас именно как жанр, выражающий идеи современного феминизма и конструирующий акторов этого социального движения. Мы ставим **задачу** выявить, как в жанре петиции конструируются смыслы, характеризующие современный феминистский дискурс, и как структурно-текстовые характеристики петиции

связаны с социальной направленностью данного жанра.

Жанр онлайн-петиции – это относительно новый жанр, во всяком случае в том виде, в котором он существует в цифровом пространстве. Набирая все большую популярность в сфере публичной коммуникации, петиция как жанр речи начинает привлекать внимание лингвистов. Разные аспекты жанра петиции стали предметом рассмотрения в течение последних лет. Комплексный (парадигмальный) анализ жанра с точки зрения коммуникативной цели, формирования социальной идентичности авторов и подписантов, диалогизма и связи с другими диахроническими и синхроническими жанрами предлагает реализовать А. В. Курьянович [3]. Петиция в ее функциональном своеобразии, реализуемом в нескольких стратегиях речевого воздействия, рассмотрена на материале французского экологического дискурса [4]. Структура и интенции жанра отечественной онлайн-петиции рассмотрены в работе Н. Б. Степановой [5]. Далее мы обратимся к некоторым из положений, выдвигаемых в названных работах, и оценим их с точки зрения валидности для петиций феминистской направленности.

1. Материал и модель анализа

Понятие феминистского дискурса уже прочно закрепилось в теории и практике критического дискурс-анализа, а направление дискурс-анализа, занимающееся проблемами гендерного неравенства, получило обозначение феминистского критического дискурс-анализа (*feminist critical discourse analysis*) [6]. Основную задачу этого направления дискурс-аналитики видят в том, чтобы «развить богатое и тонкое понимание сложных механизмов взаимодействия власти и идеологии в дискурсе, который поддерживает иерархические социальные структуры гендерного неравенства», а также «выявить сложные, еле ощутимые – или вполне ощутимые – способы, посредством которых часто заведомые гендерные установки и властные отношения дискурсивно производятся, поддерживаются, обговариваются и ставятся под сомнение в различных контекстах и сообществах» [6 : 141–142] (Перевод с английского здесь и далее наш. – Т. Д.). Именно механизмы последнего рода, бросающие вызов существующему гендерному порядку в обществе, являются предметом нашего внимания в данной работе. Отметим, что в контексте работы под феминизмом мы понимаем не столько институционально организованное движение, сколько совокупность взглядов и ценностей, касающихся женщин и актуализированных в языке.

Материал исследования состоит из 18 русскоязычных и англоязычных петиций, тексты которых размещены на специальном сайте для создания петиций www.change.org. Поиск и отбор материала осуществлялся по ключевым словам «женщина» и «woman» в их различных морфологических формах. Количество англоязычных петиций, обращенных к проблемам гендерного устройства общества, в целом существенно больше, чем количество соответствующих русскоязычных петиций. Однако поскольку мы не ставим задачу кросс-культурного анализа жанра, различный объем русско- и англоязычных петиций в нашем материале никак не влияет на сделанные выводы. Объем материала на сайте позволяет отобрать значительно большее количество текстов, однако поиск материала был остановлен в точке насыщения, когда тексты примерно распределены по типам и стали многократно повторяться. Полагаем, что собранный материал достаточен для проведения пилотного исследования и достижения предварительных результатов. Цитируемые далее фрагменты петиций приводятся в соответствии с источником, с соблюдением орфографии и пунктуации оригинального текста на сайте.

Мы попытаемся ответить на следующие **исследовательские вопросы**, определяющие модель анализа:

- какова функциональная ценность феминистских петиций?
- каковы основные тематические группы феминистских петиций?
- кто адресат и адресант петиций? как конструируются идентичность каждого и отношения между ними?
- как дискурсивно конструируется феминная идентичность в текстах петиций?
- каковы социальные инференции полученных в результате дискурс-анализа результатов?

2. Анализ

2.1. Функции петиций

Коммуникативная ценность петиции как жанра, по наблюдениям исследователей, состоит в его императивном характере: «...Особенность интенции рассматриваемого жанра заключается в директивности, которая состоит в том, чтобы вызвать осуществление поступка со стороны лиц, обладающих правом принимать решения, оказать влияние на их поведение» [4 : 33]. Кроме того, отмечается и другой прагматический аспект петиции – способность быть следствием индивидуальной или коллективной рефлексии по поводу

злободневной социальной проблемы и формировать отношение населения к этой проблеме [3; 4; 5].

Здесь, на наш взгляд, следует уточнить, что петиция не только и не всегда представляет собой результат существующей в обществе рефлексии: петиция может успешно (или нет) проблематизировать некоторые аспекты общественной жизни, аккумулируя общественную рефлексию вокруг фактов, которые до создания петиции принимались как данное. Жанр петиции по сути носит бунтарский характер, поскольку автор противопоставляет социальному мейнстриму. Петиция интересуется нас как жанр неинституционализированных, слабо организованных социальных практик, в которых принимают участие не представители организаций, а отдельные незнакомые люди.

Функция петиций феминистской направленности в общем смысле сводится к тому, чтобы проблематизировать и по возможности изменить гендерное устройство общества, в частности положение женщин, условия их жизни и отношение к ним.

2.2. Тематические группы петиций

Выявляя, какие именно аспекты социального устройства проблематизируются, мы смогли выделить в материале несколько тематических групп: безопасность, здоровье, другие общественные блага, а также создание и сохранение символов феминизма.

Проблема безопасности женщин поднимается чаще всего в контексте преследования и сексуального насилия со стороны мужчин. Таковы, к примеру, индийские петиции о криминогенной и небезопасной для женщин обстановке в Мумбае («Chief Minister of Maharashtra : #MakeMumbaiSafe for women»), а также о домогательствах и изнасилованиях в индийских дальнерейсовых автобусах («Appeal to redBus: Make travel safer for women»). Вопрос половой неприкосновенности поднимается в американской петиции по поводу участия игроков НХЛ в изнасилованиях и домашнем насилии («Take violence against women seriously»). Российская петиция о stalking, форме домогательства и запугивания, которая выражается в преследовании жертвы и слежении за ней, также выделяет физическое насилие как один из потенциальных исходов такого поведения преследователя («Ввести в УК РФ статью о stalking (преследовании)»).

Авторы выдвигаемых петиций, в центре которых проблема безопасности женщины, ставят цель изменить институциональное устройство общества. Причем эти изменения охватывают как институты отношений (changing the mindset of men – изменение образа мыслей

мужчин), производственные институты (например, административные изменения в работе перевозчиков), так и правовые институты (изменения законодательства, выводящие определенные действия за рамки легитимности). Цель петиций в основном сформулирована посредством перформативной конструкции с глаголом речи в форме первого лица единственного или множественного числа и выделена мной графически жирным шрифтом:

(1) **Обращаясь к Правительству Российской Федерации, Государственной Думе Российской Федерации, МВД РФ, я прошу:** введите уголовную статью и наказание за stalking. (<https://www.change.org/p/правительство-рф-введите-в-ук-рф-статью-о-stalking-преследовании>)

(2) **I'm hereby appealing to redBus to take a stand in this matter & take passenger safety as their top concern, and here are the action points I would like to see implemented.** (<https://www.change.org/p/appeal-to-redbus-make-travel-safer-for-women-prakashsangam-ashishkashyap-redbus-in>)

(Перевод: **Настоящим я призываю** компанию redBus занять твердую позицию и проявить должную обеспокоенность проблемой безопасности пассажиров. Далее предложены действия, которые я бы хотела увидеть реализованными.)

(3) **We are petitioning the NHL to institute a clear, comprehensive policy of zero tolerance for players who commit acts of intimate partner violence or sexual assault.** (<https://www.change.org/p/gary-bettman-bill-daly-demand-the-nhl-take-sexual-assault-and-domestic-violence-seriously>)

(Перевод: **Мы обращаемся с петицией** к НХЛ ввести четкую политику нулевой терпимости ко всем без исключения игрокам, которые применяют силу в отношении интимного партнера и совершают акты сексуального насилия.)

Отношение жанра петиции к категории императивных безусловно, поскольку в основе выдвигаемых требований о необходимости изменений лежит отрицательная оценка фактов действительности, выраженная набором лексических средств, обозначающих правовые деликты и имеющих выраженную отрицательную коннотацию. Действия, совершаемые мужчинами, характеризуются как запугивание, оскорбление, отслеживание, шпионаж, угрозы, психотеррор, контроль над жертвой, sexual assault (сексуальное нападение), domestic violence (домашнее насилие), sexism and misogyny (сексизм и женоненавистничество), physical assaults (физическое нападение, рукоприкладство), harassment (сексуальное преследование), а rape case (случай изнасилования), gangrape (групповое изнасилование), touching, groping (лапание) и т. д.

Петиции нередко основаны на личных историях и частном опыте, который подвергается осмыслению, соотносится с опытом окружающих, реалиями других социальных систем

и подводит автора к мысли о необходимости социальных изменений. К примеру, автор петиции с требованием ввести уголовную ответственность за stalking представляет историю своего преследования со стороны бывшего мужа, а также ссылается на уже существующее в других странах законодательство, делегитимирующее stalking:

(4) *Я сама являюсь жертвой stalking со стороны бывшего мужа, который доносит не только меня, но и всю мою семью бесконечными звонками, сообщениями, преследованиями. Он караулит мою маму возле работы; когда я возвращаюсь домой, он стоит возле парадной; он сделал копию ключа от домофона и теперь даже заходит в подъезд, стоит у входной двери. Он неоднократно взламывал мой почтовый ящик, крад квитанции и письма; взламывал аккаунты в социальных сетях и электронную почту, а потом закидывал меня и моих родственников цитатами из моих личных переписок с разными людьми, моими же фотографиями, угрожая предать общественности подробности моей личной жизни <...> Первыми уголовным преступлением stalking сделали американцы – в 1992 году. Примеру США последовали Канада и Австралия. В Евросоюзе навязчивое преследование наказуемо в Великобритании, Бельгии, Ирландии, Голландии, Австрии и с 2007 года – в Германии. (<https://www.change.org/p/правительство-рф-введите-в-ук-рф-статью-о-сталкинге-преследовании>)*

Автор подчеркивает личную драму эксплицитной ссылкой, выделяя фрагмент жирным шрифтом. Действия бывшего мужа представлены посредством перечисления целого ряда деликтов (*донимает, караулит, взламывал, крад, закидывал, угрожая*) и сопровождаются указаниями на их повторяемость (*бесконечными, неоднократно*). И далее личный опыт получает интерпретацию в юридических терминах других стран (*уголовным преступлением, наказуемо*), что создает правовую основу для обращения с требованием.

Н. Б. Степанова отмечает, что в её данных автор выступает от своего лица примерно в трети собранного материала [5 : 140]. Такой вывод в целом соответствует нашим наблюдениям о том, что опора на личный негативный опыт не является обязательной. Так, обращение американки к руководству НХЛ базируется на ценностных представлениях о должном поведении звезд хоккея и хоккейных менеджеров:

(5) *These teams often place on-ice competition and business interests above **basic decency**. And we've had enough of it. As public incidences of violence against women continue to bring **shame** to the hockey community, the National Hockey League has steadfastly refused to change. (<https://www.change.org/p/gary-bettman-bill-daly-demand-the-nhl-take-sexual-assault-and-domestic-violence-seriously>)*

(Перевод: Эти команды часто ставят конкуренцию на льду и деловые интересы выше **обычной добропорядочности**. В то время как эпизоды насилия в отношении женщин продолжают навлекать **позор** на хоккейное сообщество, Национальная Хоккейная Лига упорно отказывается от изменений.)

Ценностные категории обычной добропорядочности (*basic decency*) и позора (*shame*) образуют шкалу, по которой оцениваются действия хоккеистов, практикующих домашнее насилие, и менеджеров, не отстраняющих их от игр по причине финансовых интересов.

Петициям о проблемах безопасности женщин тематически близка вторая группа петиций – **о сохранении здоровья женщин**. Такова, к примеру, петиция с требованием не закрывать родильный дом в небольшом городке («Не закрывайте наш родильный дом (г. Родники Ивановская обл.)!»). Эта петиция – одна из немногих, где не конструируется оппозиция «женщина vs. мужчина». Вероятно, этого не происходит потому, что необходимость в специальном медобслуживании, вытекающая из способности рожать детей, является прерогативой женщин. В сфере деторождения мужчина в силу природных причин лишен какой-либо конкурентоспособности.

Третий тип петиций касается степени **участия женщин в общественной жизни**, доступности и распределения общественных благ. Примером такого обращения является британская петиция с требованием гендерного равновесия в парламенте «Men outnumber women by more than 2 : 1 in Parliament. 50 : 50 want better gender balance !» Аргумент авторов текста состоит в том, что женское население преобладает, но оно имеет непропорционально низкое представительство в парламенте. Вывод, который делают авторы, имеет более высокую степень абстракции: если женщинам нет доступа в парламент, то и другие группы населения сталкиваются с социальными барьерами:

(6) *Women are the majority in life but the minority in Parliament. If Parliament is inaccessible to women many others must and do face hurdles too. (<https://www.change.org/p/men-outnumber-women-by-2-1-in-the-commons-50-50-want-more-women-at-westminster-and-better-gender-balance-in-parliament-5050parliament>)*

(Перевод: Женщины составляют большинство в жизни, но меньшинство – в Парламенте. Если Парламент недостижим для женщин, многие другие группы, должно быть, также сталкиваются с преградами.)

Четвертый выделенный нами тематический тип жанра стоит особняком, поскольку по сути

он не затрагивает жизненно важных аспектов существования современной женщины, а касается в большей степени **символического утверждения нового гендерного порядка**, при котором эксплицитно и формально признаётся важность женщины и её роли в обществе. Речь идёт, в частности, о требованиях установить памятник британским суфражисткам на парламентской площади («Put a statue of a suffragette in Parliament Square to mark 100 years of female suffrage»), разместить портреты известных женщин на британских банкнотах («We need women on British banknotes»), указывать имена матерей на британских свидетельствах о браке («Mothers' names should be on marriage certificates alongside fathers' names») или захоронить женщин-пилотов Второй мировой войны с почестями на военном кладбище («Grant Military Burial Honors to Women WWII Pilots»). Интересно, что подобные петиции с требованиями символически утвердить роль женщин в истории принадлежат авторству жительниц Великобритании или США. Это, вероятно, свидетельствует о существовании в этих странах феминизма на более продвинутой стадии развития, когда с обеспечения базовых условий нормальной жизни женщин акцент сместился на потребность в символической фиксации нового гендерного порядка в материальных культурных артефактах: скульптурах, банкнотах, документах, способах организации кладбищ. Процесс такой символизации, на наш взгляд, является одним из проявлений *visibility*, «видимости», «зримого присутствия» женщин в обществе. *Visibility* отмечается как характеристика современного пост-феминизма [7 : 339].

2.3. Конструирование феминной идентичности

В качестве авторов петиций выступают преимущественно женщины. Из 18 рассмотренных нами петиций 14 текстов написаны женщинами. Авторство еще 3 текстов принадлежат международным организациям, одна из задач которых состоит в борьбе за права и улучшение жизни женщин. Только одна петиция составлена мужчиной. Однако она выделяется не только по этой причине, но и в силу своей функциональной направленности. В то время как все остальные петиции направлены на решение проблем женщин, мужская петиция не столь однозначна:

(7) Если можно публиковать фото с мужским торсом, то и женщины должны иметь то же самое право!

Нет никакой разницы между мужской и женской грудью. Грудь это просто грудь. Это просто часть человеческого тела. Все табу на счёт тела абсолютно средневековые и устаревшие. Запрет

изображений женской груди – это сексизм и он нарушает права женщин, создавая гендерное неравенство <...>

Отмените это правило Фейсбука! (<https://www.change.org/p/mark-zuckerberg-let-female-breasts-be-allowed-on-facebook>)

С одной стороны, автор петиции ратует за гендерное равенство в части свободной демонстрации обнаженного тела, но по сути женское тело, не принадлежащее мужчине, выступает в данной петиции объектом действий извне и потребительского отношения. Отметим, что петиция получила в поддержку только 17 подписей. К сожалению, не представляется возможным выяснить пол подписантов.

Кроме того, что авторы петиций принадлежат преимущественно к женскому полу, о других чертах их идентичности судить достаточно сложно, поскольку эти черты не получают в тексте эксплицитного выражения: в петициях не указан ни возраст, ни уровень образования, ни социальное положение авторов. Приблизительный возраст авторов некоторых петиций может быть выведен из содержания текста. К примеру, петиция против закрытия роддома от беременных женщин предполагает их принадлежность к достаточно обширной возрастной группе женщин детородного возраста. Подобным образом призыв к выплате мужчинами алиментов определяет автора как относительно молодую женщину с несовершеннолетним ребенком. Но даже такие приблизительные выводы бывает сделать сложно, так же как сложно определить точный уровень образования авторов петиций. Очевидно только, что это достаточно грамотные носители русского или английского языков, не только знающие правила орфографии и пунктуации, но и осознающие особенности жанра и его риторических канон. Этот факт не исключает погрешностей и опечаток при составлении петиций. Далее мы рассматриваем автора исключительно с точки зрения феминной идентичности.

Феминная идентичность авторов женских петиций дискурсивно конструируется двумя способами: 1) безотносительно к мужскому полу и 2) в оппозиции к мужскому полу. Разумеется, в любом случае упоминание своей принадлежности к женскому полу подразумевает наличие противоположного пола, но в ряде ситуаций эта оппозиция остается имплицитной, невыраженной. Так, в следующем примере автор относит себя сначала к общей группе болельщиков НХЛ и затем уточняет принадлежность к женщинам, которые составляют одну треть всей группы:

(8) It has become increasingly difficult for hockey fans like me – especially women, who make up

roughly 1 in 3 NHL fans – to cheer for teams that shrug off serious allegations of their players assaulting women. (<https://www.change.org/p/gary-bettman-bill-daly-demand-the-nhl-take-sexual-assault-and-domestic-violence-seriously>)

(Перевод: Хоккейным фанатам, таким как я, особенно женщинам, составляющим приблизительно одну треть от общего числа фанатов НХЛ, становится все труднее болеть за команды, которые игнорируют серьезные обвинения в адрес своих игроков, нападающих на женщин.)

Мужчины не фигурируют и в петиции против женской бедности. Речь идет только о девочках и женщинах, которые дискурсивно включены в более общую группу беднейших людей:

(9) Girls and women are disproportionately affected by poverty. In fact, 70% of the 1 billion poorest people in the world are women. That is why girls and women must be at the heart of the fight to end extreme poverty. (<https://www.change.org/p/this-is-why-girls-and-women-matter-us>)

(Перевод: Девочки и женщины находятся под несоразмерным влиянием бедности. Фактически, 70% от одного миллиарда самых беднейших людей в мире составляют женщины. Поэтому девочки и женщины должны быть в центре борьбы за то, чтобы положить конец крайней бедности.)

Во многих других случаях феминная идентичность конструируется как противостоящая маскулинной, причем первая несет тогда положительную аксиологическую нагрузку, тогда как вторая подвергается резкой критике. Множество примеров такого конструирования можно найти в петициях о физическом насилии со стороны мужчин, но фактически эксплицитная оппозиция конструируется и в петициях другой тематической направленности:

(10) Одиноким матерям приходится жертвовать не только карьерой и самореализацией, но и временем, затрачиваемым на воспитание ребёнка, поскольку зачастую им приходится обеспечивать его самостоятельно. В результате, вместе с нежеланием отцов участвовать наравне с матерями в воспитании их общих детей, в государстве повышается рост беспорядочности, преступности, алкоголизма и наркомании среди малолетних. (<https://www.change.org/p/президент-российской-федерации-помогите-сократить-рост-безотцовщины-в-россии>)

В приведенном фрагменте матерям приписывается способность жертвовать, тратить, обеспечивать, тогда как отцы репрезентируются как нежелающие участвовать в жизни детей и способствующие росту социальных проблем.

Оппозиция «женщина vs. мужчина» конструируется не только в репрезентациях текстов петиций, но и между автором и адресатом. Как мы отметили выше, подавляющее

большинство петиций написаны женщинами, в то время как адресатами чаще всего являются мужчины, а также органы власти и организации, возглавляемые ими: президент РФ Владимир Путин, президент США Барак Обама, мэр Лондона Садик Хан, Банк Англии, канцлер Казначейства Великобритании Филип Хэммонд, комиссар НХЛ Гэри Беттман и др. Отдельные исключения, например премьер-министр Великобритании Тереза Мэй, не нарушают общей картины. В этом смысле жанр петиции свидетельствует о достаточно четком и однозначном распределении гендерных ролей в обществе: мужчины наделены властью и способны влиять на устанавливаемые в обществе порядки, включая те, что обеспечивают благополучие женщин; женщины находятся в роли просителей, лишенных власти и влияния.

Заключение

Жанр онлайн-петиции, набирая популярность в сфере публичной коммуникации, актуализирует возможность участия обычных граждан в общественно-политической жизни общества. Такое участие всегда имеет рефлексивный характер, поскольку происходит публичная проблематизация некоторых аспектов общественной жизни. Но оно может приобретать и результативный характер в тех случаях, когда действительно происходят изменения статус-кво.

Жанр петиции может рассматриваться в терминах феминистского дискурса, так как набирается корпус текстов, проблематизирующих разные аспекты жизни женщины. Классификация этих текстов позволяет выделить тематические группы разной степени социальной важности. Из разного географического распределения тематики петиций следуют некоторые социальные инференции. Тогда как обеспечение базовых условий жизни и безопасности остается актуальным, к примеру, для России или Индии, феминизм в Великобритании и США перешел на стадию символического закрепления нового гендерного порядка в культурных артефактах. Кроме того, в петициях из западных стран просматривается целостный подход к политике: справедливость для женщин видится как часть общей справедливости в обществе, а её недостаток свидетельствует об общем неблагополучии и дискриминации разных групп населения.

Петиция как императивно-оценочный жанр актуализирует свою функциональную направленность в перформативных конструкциях, эксплицитно сообщающих о коммуникативной цели автора, а также в применении большого количества оценочной лексики: с

положительной коннотацией при репрезентации женщин, с отрицательной – мужчин. Конструируемая посредством положительной оценки феминная идентичность автора противопоставляется маскулинной идентичности конкретного или генерализованного мужчины, наносящего ущерб женщине. Авторская феминная идентичность также имплицитно противопоставлена мужчине-адресату, наделенному властью. Кроме того, для аргументативной схемы изученного жанра характерна типизация личного опыта и репрезентация его как основы для выдвигаемых требований.

Развитием проведенного исследования может стать более детальное изучение национально-культурной специфики петиций в её связи с особенностями социального контекста конкретных стран.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Дубровская Т. В. Жанр «письмо из упаковки»: дискурсивное конструирование автора и адресата // *Жанры речи*. 2016. № 13. С. 128–136.
2. Fairclough N. *Analysing Discourse: Textual Analysis for Social Research*. L.; N.Y.: Routledge, 2004. 270 p.
3. Курьянович А. В. Полипарадигмальность жанра в зеркале предпочтений современной лингвистики (из опыта анализа online-петиций как особой разновидности эпистолярных текстов) // *Вестн. Новосиб. гос. пед. ун-та*. 2016. № 2(3). С. 150–159.
4. Пупкова А. В. Петиция как жанр французского экологического дискурса // *Вестн. МГУ*. 2010. № 10 (589). С. 33–45.
5. Степанова Н. Б. Онлайн-петиция как новый жанр интернет-коммуникации // *Язык в различных сферах коммуникации: материалы II Междунар. науч. конф. Чита: ЗабГУ*, 2016. С. 138–141.
6. Lazar M. Feminist critical discourse analysis: articulating a feminist discourse praxis // *Critical Discourse Studies*. 2007. № 4(2). P. 141–164.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Дубровская Т. В. Жанр онлайн-петиции в контексте феминистского дискурса // *Жанры речи*. 2017. № 1 (15). С. 111–117. DOI: 10.18500/2311-0740-2017-1-15-111-117

7. Lazar M. Communicating (post)feminism in discourse // *Discourse & Communication*. 2009. № 3(4). P. 339–344.

REFERENCES

1. Dubrovskaya T. V. Zhanr ‘pismo v upakovke’: diskursivnoje konstruirovanije avtora i adresata [Genre «letter in the pack»: discursive construction of the addresser and the addressee]. *Zhanry Rechi* [Speech genres], 2016, no. 13, pp. 128–136.
2. Fairclough N. *Analysing Discourse: Textual Analysis for Social Research*. London, New York, Routledge, 2004. 270 p.
3. Kurjanovich A. V. Poliparadigmalnost zhanra v zerkale predpochtenij sovremennoj lingvistiki (iz opyta analiza onlain petsitsiji kak osoboj raznovidnosti epistoljarnykh tekstov [Multi-paradigmality of genre mirrored through the preferences of modern linguistics (based on the analysis of online petitions as an epistolary genre)]. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo pedagogičeskogo universiteta* [Bulletin of Novosibirsk State Pedagogical University], 2016, no. 2(3), pp. 150–159.
4. Pupkova A. V. Petitsija kak zhanr frantsuzskogo ekologičeskogo diskursa [Petition as a genre of French ecological discourse]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvističeskogo universiteta* [Bulletin of Moscow State Linguistic University], 2010, no. 10(589), pp. 33–45.
5. Stepanova N. B. Onlain petsitsija kak novyj zhanr internet-kommunikatsiji [Online petition as a new genre in the Internet communication]. In: *Jazyk v razlichnykh sferakh kommunikatsii: materialy II Mezhdunarodnoj nauch. konf. Čita: ZabGU* [Language in various communication contexts: proceedings of the 2nd International scientific conference. Chita: Transbaikalsk State University], 2016, pp. 138–141.
6. Lazar M. Feminist critical discourse analysis: articulating a feminist discourse praxis. *Critical Discourse Studies*, 2007, no. 4:2, pp. 141–164.
7. Lazar M. Communicating (post)feminism in discourse. *Discourse & Communication*, 2009, № 3(4), pp. 339–344.

Статья поступила в редакцию 05.04.2017

For citation

Dubrovskaya T. V. Online Petition as a Genre in the Context of Feminist Discourse. *Speech Genres*, 2017, no. 1 (15), pp. 111–117. DOI: 10.18500/2311-0740-2017-1-15-111-117 (in Russian).